

Сергей К. Данилов

*Комета
Магницкого — 1*

Сергей Данилов

Комета Магницкого – 1

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Комета Магницкого – 1 / С. К. Данилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852127-0

Детство Виктор Магницкий провёл в детдоме, юность в общежитии, молодость — то в евро-квартире, то в строительном вагончике. Трудовой путь героя романа обычен для новейших времён: от научного сотрудника до уличного продавца мороженого. Пробиваясь сквозь бытовые неурядицы, кои судьбоносная планида во множестве подбрасывает человеку, он старается не упускать из вида заветный образ семейного благоустройства, изобретённый им ещё на детдомовских задворках.

ISBN 978-5-44-852127-0

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
1. Грустная умница Жанна	7
2. Послеобеденное счастье	10
3. Жаркая Фрида	13
4. Черешня	17
5. Бесплатная раздача слонов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Комета Магницкого – 1

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2127-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

1. Грустная умница Жанна

С утра Виктор забежал на ВЦ взять распечатки программ; прошёл не в ту дверь, презрев накинуть несвежий, но обязательный халат общего пользования, тем более надеть тапочки-бахилы, полные песка, за что системный инженер Артамонова сделала страшное лицо из своего стеклянного закутка, а он в ответ лишь деликатно ей улыбнулся и показал фигушку.

У входа в зал толпились операторши обеих смен: ночной и утренней. В свеженьких, накрахмаленных халатиках-мини они больше напоминают учениц салона красоты, нежели сотрудников закрытого НИИ. Стоящая меж них высокой цаплей системотехник Жанна угощает разноголосую толпу конфетами, таская карамель пригоршнями из большого кармана своего мягкого халата, что длинней белогвардейской шинели висит на ней, как на вешалке, чуть не до щиколоток.

Жанна – очень худая белокурая девушка лет двадцати трёх, с костлявыми, горбящимися от роста плечами и замкнутым лицом. Как и все истинные системщики, она абсолютно равнодушна к своему внешнему виду: предпочитает вечером задержаться на пару часов, чтобы покумекать над какой-нибудь очередной ситуацией, возникшей в операционной системе, нежели выстирать халат. Чрезвычайно сосредоточенная девушка эта Жанна, и работает давно, спец не хуже Артамоновой, а может, и лучше в некоторых вопросах, и техникум окончила, и ребёнка родила, по слухам, вроде как прямо в семнадцать лет.

И то, что она всегда о чём-то с грустной понимающей улыбкой размышляет, как сейчас, во время раздачи конфет народу, подвигает Виктора мимоходом шутить с ней самым товарищеским образом. То гавкнуть на ухо, то заговорить металлическим голосом директора Орало: «Здравствуйте, товарищи! Какие будут жалобы на системотехников сегодня? Эти системотехники Жанны у меня дождутся, вот возьму да нагряну в гости с цветами, конфетами и разными предложениями иррациональными! Пусть тогда попробуют чаем не напоить!».

В этот раз чёрт опять дёрнул сотворить над поникшей речной ивой системщицей шутку. Он сделал первое, что пришло в голову, то есть заверещал кляузной радио-старушкой:

– Кто тута последний, я за вами! Опять в ентом магазине левым товаром с чёрного хода торгуют? Как на духу предупреждаю: счас пожалуюсь в О-Бэ-Ха-эС-эС, коли мне не достанется!

Системотехник Жанна на розыгрыши младшего научного сотрудника Магницкого извечно реагировала сменой боевой раскраски: если была красна лицом, то белела, ну а по бледности заливалась ярким румянцем. И каждый раз голубоватые глаза начинали сверкать мыльными пузырями на солнце, причём сама Жанна оставалась по-прежнему немногословной, отделяваясь всегда одной и той же банальной фразой, обращённой куда-нибудь в ближний угол: «А вот и Витя с прибамбасом пожаловали!». Виктор на прибамбас не обижался. Анемичная девушка, жалко её, обессиленную. Смотришь, и прямо сердце кровью обливается. Что тут ещё сказать?

Когда подошла его очередь в карамельной отоварке, Жанна объявила, что конфеты кончились.

– А больше нет, – и даже оттопырила карман, демонстрируя пустоту.

Карман халата широкий, глубокий, с надорванными краями, что на дне – не видно. Наверняка ведь зажилила парочку «раковых шеек». Разве можно так поступать с воспитанником образцово-показательного детдома имени Крупской? Сказала бы честно: «Не дам», – какой спрос? Так кончились у неё, видишь ли, срочно. Ага, держите карман уже, или вовсе зашейте белыми нитками.

Обе смены операторш, вчерашних десятиклассниц, весело захихикали над оторопевшим младшим научным сотрудником. Обнаглел народ, никакой субординации!

– Мать моя женщина! – изумился Виктор. – Почто всегда на мне товар в очередях заканчивается? А, девушки? Протестую!

И, недолго думая, смаху запустил в карман пятерню, желая ухватить какую-нибудь «раковую шейку» на самой глубине, дабы восстановить попорченную на глазах местного сообщества социальную справедливость, а также равенство, братство, доброту и веру в прогресс человечества. Однако наткнулся только на Жаннину тоненькую ногу. Карман оказался пуст.

– Ничего себе! – удивился неожиданной правдивости, заглядывая в растерянные глаза системотехника.

– Молодой человек! Прекратите приставать к сотрудницам!

– Всё-в-сё, меня там больше нет!

С начальником отдела размножения техдокументации, огромной, ширококостной, зычной Вильгельминой Карловной разве поспоришь? Никто с этой дамой не спорит ни по какому поводу – себе дороже выйдет. Сам директор товарищ Орало, и тот предпочитает сглаживать углы, когда попадает в сферу её полномочий. А Жанна входила в такие сферы целиком и полностью: во-первых, числится в списочном составе отдела размножения, во-вторых, хочешь – удивляйся, хочешь – нет, но, несмотря на несовместность и даже противоположность внешних характеристик, является с самого своего рождения дочерью Вильгельмины Карловны. Вот она где, антиутопия семейственности проявляется, в разрезе обыденного конфликта поколений.

– Экий басурманин!

Системотехник тотчас спрятала обе руки глубоко в карманах и несколько пригнулась. На лбу блеснула лёгкая испарина, наглядно выражавшая полное раскаяние худой, несамостоятельной матери-одиночки, живущей у своей родительницы на полном пансионе в её трёхкомнатной квартире, да к тому же работающей под маминым началом, и при всём этом кордебалете позволявшей себе чёрте что в служебное время.

– Отойдите от неё и никогда больше не приближайтесь! Чтобы духа вашего не было! Разбойник какой выискался мне здесь!

Девочки-операторши мигом перестали веселиться, разбежались по делам, на ходу жуя конфетки, будто не присутствовали, не видели и не знают ничегошеньки. Что во многом истинная правда: очень, очень мало соображают, то и дело начёсы себе на голове создают вроде соломенных шалашиков, ногти маникюруют прямо у центрального пульта, а потом тыкнут с перепугу куда попало раскрашенным пальцем – и, считай, пропало машинное время.

Магницкий пошёл далее, независимо размахивая бобиной распечаток.

– Басурманин! – повторила ему вслед Вильгельмина.

Он обернулся, смерил начальницу отдела размножения сверхточным лазерным прицелом:

– Орднунг юбер аллес! – взяв двумя пальцами под козырёк.

Через запасную дверь машинного зала вышла Артамонова. Ни черта не понимая в его немецком, окаменела напряжённо-испуганным лицом, боясь, что Вильгельмина Карловна данной фразой будет обижена до глубины своей немецкой души или даже поругана. Кто знает этого Магницкого, чем он тут вздумал шутить...

– Порядок превыше всего! – дал перевод Виктор главе системщиков, чтобы не мучилась понапрасну в догадках о смысле трёх немецких слов, сказанных в адрес начальства.

Сникшая фигура Жанны изображала христианское смирение и раскаяние. Бедняжка. Ивушка плакучая. И ножки из-под халата в стареньких стоптанных туфлях тонюсенькие-пре-тонюсенькие торчат, будто спички. Несчастливая Жанна! Как она умудрилась ребёнка выродить

в семнадцать лет при столь хилой комплекции? Тем более под началом жуткой мамыши, гром-бабы с мясокомбината. Магницкий не выдержал, ещё раз обернулся.

Вильгельмина погрозила кулаком.

Ага, а теперь маман-бабан дует на воду. А может, не совсем на воду?

Нет и ещё раз нет. Не будет этого. Жанна определённо напоминает своей фигурой бес-телесную женщину раннего европейского средневековья, когда по канонам красоты дамы при-давливали груди свинцовыми пластинами, стремясь стать как можно более плоскими. Сове-ременного мужчину идеалы прошлого не волнуют, ему надо воодушевляться, а тут взгляду зацепиться не за что. Глаза голубоватые, конечно, ничего себе, но слишком умные, ещё неплохи белокурые, спутанные в спешке беготни по ВЦ локоны. И всё. Но почему это вдруг подумалось об отношениях с бестелесным телом в белом балахоне как с женщиной, что за извращение, сеньоры?

Хотя, вот если допустить в первом приближении, что Жанна под халатом будет голая... нет... бесконечно жаль девушку, но даже не уговаривайте, ни за что! Мамаша Вильгельмина может быть на данный счёт абсолютно спокойна. Зря, напрасные надежды. Товарищеские отно-шения с системотехником – это да, сам бог велел, без сомнений: умница, умница необыкновен-ная наша Жанночка, а прочее – увольте, лучше из института вон... хотя... Что-то в этом есть. Да ну, ерунда какая! А бедро... в кармане, кстати, хоть и тоненькое, но поразительно горячее. Чёрт возьми! Ну вот, размечтался с утра на ровном месте... Насчёт кого? Насчёт несчастной Жанны! С ума сошёл, что ли?

Вздохнув полной грудью, дабы освободиться от утренних кошмаров безумного разума, младший научный сотрудник с горящими глазами энтузиаста научного прогресса стремглав влетел в рабочую комнату, бросил рулон на стол, скинул пиджак на спинку стула, засучил рукава белоснежной рубашки и металлической линейкой принялся с жаром рвать рулонную распечатку на отдельные программы, разбрасывая по окружающим столам.

Постой, когда там у Жанны ночная смена намечается? Уйти, что ли, в ночь? Засидеться за программой до одиннадцати, рабочий день научного сотрудника не нормирован, ночное время тем более. Магницкий отбросил линейку, зажмурился, в долю минуты доведя мозг до точки кипения. Вот оно, счастье! Как недалеко! Возможно ль? Но, очевидно, добиться с утра пораньше личного счастья в НИИ – цель принципиально недостижимая, ибо кругом вихряется, завиваясь мелким бесом, уже другие, планёрочные страсти.

2. Послеобеденное счастье

Личное счастье началось сразу после обеденного перерыва, когда Виктор заглянул к Забаве – рассказать Борiske анекдот, который вспомнил только что, да и слышал не долее трёх дней назад. Забавы на месте не оказалось, по случаю длинных белых ночей подающий большие надежды теоретик семнадцатого отдела ускакал пить лимонад в опытный цех к автомату с бесплатной газированной водой, который наконец-то заправили смородиновым сиропом. Тем самым выпал из институтской жизни с её дежурными анекдотами и блиц-партией в бильярд под занавес сорокаминутного обеденного перерыва.

А меж тем жизнь в его рабочей комнате, носившей в среде младшего научного персонала название «забавной», ни на секунточку не прекращала бить июньским искристым ключом. Только Магницкий приоткрыл солидную дверь, как через хорошо промытые на недавнем субботнике стёкла точно в зрачки ударило яркое белое солнце. Пришлось даже зажмуриться, будто бы от счастья. Будто бы только что слопал четыре сочных, вкусных, горяченьких беляшика, запивая их сладким какао, и после этого, едва успев обтереть пальцы салфеткой, сразу увидел в непосредственной близости девушку неземной красоты.

Так зажмуренным и вошёл в большую, светлую комнату, имевшую четырёхметровой высоты потолки, огромные, с распахнутыми створками окна, за которыми ещё парил в воздухе случайно уцелевший тополёвый пух, вроде бы основательно прибитый ночной грозой. В комнате восемь однотумбовых столов, один двухтумбовый – заведующего сектором Черкизова, шкаф и куча отобедавшего народа, мирно проводящего свободное время в приятных разговорах. Выражением своего счастливого лица он никого не собирался обманывать: были и четыре беляшика не более десяти минут назад, и какао, и салфетки, и даже девушка, как ни странно, имелась в непосредственной близости. И даже, представьте себе, не одна, а сразу штук семь, как на подбор высокие, стройные, в тончайших летних платьях, пронизанных лучами яркого света. Толпятся в центре комнаты, закатываясь жизнерадостным смехом.

– Что вы тут веселитесь? По какому поводу? Небось, премию квартальную пообещали сто процентов?

Девушки, молодые специалистки, только-только после университета, румяные, весёлые, как горячие пирожки с персиковым джемом. Смотреть на них холостому мужчине чрезвычайно приятно, а вот жениться не рекомендуется. Допустим, женишься сдуру на одной, куда остальных потом девать прикажете? О чём беззвучно вопиёт пример сидящего в одной комнате со специалистками Борьки Забавы, и трудности, по его словам, кратно возрастают с мая по август, когда руки-ноги у специалисток становятся оголёнными, длинными, ужасно близкими; куда ни кинь взор – всюду, как на витрине, раскинулось нежное женское тело, местами призывно извивается, вроде бы весьма доступное, а тронуть нельзя.

– После обеда здорово тебе размечталось, – угадала физически крепкая спортсменка Мила, – премию ему подавай. Ишь чего захотел!

Мила – комсорг отдела, со всеми на дружеской ноге, сейчас единственная из девушек облачена в джинсы. При встречах в длинных, тёмных институтских коридорах с молодыми людьми подходящего комсомольского возраста вместо рукопожатия она проводит прямой правый в солнечное сплетение, который сопровождается вопросом: «Комсомольские взносы сдал? – И безотносительно смысла последующего ответа назидательно добавляет: – Иди теперь мочу сдавай!».

– Точно, – примирительным тоном согласился Магницкий, уже многократно учёный комсоргом, – нет так нет, а скажите, девчонки, почему в кафе на Площади перестали пирожки с персиковым джемом продавать? Вы не в курсе?

– Кто о чём, а лысый о гребёнке, – вставила шпильку Люси пренебрежительным тоном.

Мигом убрав с лица улыбку, Виктор предался грустным размышлениям. Вон Забава не утерпел – женился, теперь локти кусает, ибо сидит в одной комнате с семью красавицами, и деваться ему абсолютно некуда, разве что бегать на опытное производство пить холодную газированную воду. Впрочем, Бориска не теряется: все семь, как одна, обслуживают его в высшей степени нестандартные выдумки, ибо девочки – программистки, а Забава – теоретик, фонтанирующий идеями двадцать четыре часа в сутки, как вычислительный центр, в отличие от городского фонтана с цветомузыкой, который на ночь и на зиму предусмотрительно отключают. Идеи Забавы большей частью сумасбродные, «за гранью разума», – так выражается молодое поколение программисток, когда приходится им составлять вполне реальные программы, следуя моделям Бориски, объясняя которые, тот заводит глаза под потолок, а ладонями творит свой воздушный замок из первых же подвернувшихся под руку функций интегрального вида.

– Забавы нет, вот и отдыхаем, – весело оскалилась Мила. – Кстати, Витька, ты почему уклоняешься?

– От чего?

– Будто не знаешь, от чего, от уплаты комсомольских взносов, разумеется!

Магницкий моментально напряг живот, бросив обеспокоенный взгляд на правую руку комсорга. Вроде кулак не сжатый. Хотя и с левой может запросто врезать. Говорит, что советский человек должен быть гармонично развитым...

– Комсомольские – ерунда, главное, чтобы от алиментов не уклонялся. Настоящий мужчина не должен уклоняться от алиментов ни вправо ни влево, – подмигнула Лариса, по кличке Пума, с безумно красивыми огромными глазами и точно кошачьей мягкостью движений, – вот женишься ты, Виктор, на... Люське, к примеру, родишь ей быстренько ребёнка, а потом сбежишь, как заяц... к Миле, и если после всего того будешь уклоняться мне от алиментов – пеняй на себя!

– Девушки, я давно вышел вон из комсомольского возраста. Пожилой, серьёзный человек, какие могут быть взносы?

– И сколько же тебе, Витёк, лет?

– Сколько-сколько... много. Двадцать семь стукнуло. Полных двадцать семь. В комсомоле состоят до двадцати семи?

– Включительно.

– Исключительно. Ныне я просто беспартийный человек, и взятки с меня гладки. К тому же ни разу не женатый. Во искупление этого общественного греха честно плачу налог за бездетность.

– Эх ты, уклонист, – рассердилась Раиса, – двадцать восьмой год мужику валит, а он не женат. У тебя задержка в развитии? Даун, что ли?

– Он не даун, он мэ-нэ-эс, – констатировала Мила, – наукой увлекается.

– Девчонки, а давайте его прямо сейчас женим?

Лицо младшего научного сотрудника вновь украсило безотчётно-радостное выражение.

– В смысле? – удивился он. – Каким, позвольте вас спросить, образом? Только, граждане, не забывайте, у меня своего угла нет, в общежитии живу...

– Это к делу не относится, произведём над тобой акт инициации, и все дела. Раз из комсомольского возраста вышел, пора, Магницкий, быть тебе не мальчиком, но чьим-то мужем. Пора!

– Пора пришла – она влюбилась!

Не успел Магницкий толком порадоваться неведомой инициации, которая будет проводиться девичьими оголёнными руками (о кулаках Милы как-то не подумалось), случилось приятное событие, вроде первой фазы грядущего счастья: от девичьего кольца мягким шажком отделилась угловатая фигура Пумы, сделала шаг к нему и, оказавшись в непосредственной

близки от мэнээса, вопросительно заглянула в глаза и, не дождавшись ответа, приложила ухо к его груди чуть ниже горла. Почти как доктор, слушающий без медицинских приборов хрип простуженного дыхания. Тут же с головой окатила тёплая морская волна: Виктор даже выпрямился и вытянул шею, чтобы не захлебнуться.

Денёк выдался солнечный, комната полыхала ярким июнем, девушки продолжали веселиться, толпясь вокруг них, как будто именинников. Иные поглядывали скорее сконфуженно, что-то говоря друг другу, не слышно что, слух Магницкого отключился временной контузией.

Необыкновенно хорошо стало жить. От близких чёрных, гладко-блестящих волос, необыкновенно приятно пахнувших, возникло ощущение редкостной удачи. Пума гладила тонкими пальцами по галстуку, приговаривая: «Миленький мой». Вот-вот, да, это правда, вот оно – самое настоящее счастье, без обмана! Отняла голову на секунду, посмотрела исподлобья снизу вверх вопросительно, произнесла что-то вроде: «Жить будет». Магницкий слышал её голос вдалеке, как после контузии, и уточнил:

– С кем? Хочу с тобой.

– Здрасьте вам, – вмешалась Мила, – Лариса у нас замужем, поздно спохватился, дорогой. Ты на других-то посмотри. Народ на выбор.

– Миленький мой, – снова прилегла Пума, сверкая актёрски-радостными глазами.

Тут дверь приоткрылась, просунулась Забавина голова:

– Виктор, выйди срочно на минуту.

Тот лишь слабо отмахнулся: «Уйди, не мешай. Видишь, человеку хорошо?».

– Виктор, вопрос жизни и смерти решается.

Невесомая птица счастья вспорхнула, отлетев прочь.

3. Жаркая Фрида

Пришлось идти в темноватый коридор, где сразу был схвачен возбуждённым Забавой под локоток, хорошенько встрясён для приведения в чувство.

– Виктор, вопрос жизни и смерти! – шёпотом заорал Забава, поплотнее прикрывая дверь в кабинет, – дай мне ключ на час от твоей комнаты.

– Идея посетила?

– И ещё какая! Надеюсь, наш горячо и нежно любимый сосед Борцов на работе?

– По видимости, да, на обед он не приходит. Как правило. Только, христом-богом молю, не занимай его тахту! Запомни: моя располагается справа от входа. Как войдёшь – направо.

Повтори.

– Как войду – направо. Не беспокойся, всё пребудет в порядке, целости и сохранности.

– Не запомнишь ведь, ибо ходишь налево.

– Вот женишься, тогда посмотрим, куда ты пойдёшь, – предрёк тоном провидца теоретик, быстро уносясь с ключом в сторону лестницы.

Магницкий вернулся на рабочее место, однако вдруг ни с того ни с сего ему сделалось нехорошо. Он резко отшвырнул от себя распечатку, встал из-за стола и снова кинулся к соседней комнате. Заходить не стал, лишь приоткрыл дверь и пересчитал народ. Большой любитель ильфа-петрова, а также по совместительству завзятый чтец морального кодекса Черкизов посмотрел удивлённо поверх очков, но Виктор ничего не стал ему объяснять, закрыл дверь, достал платочек и промокнул пот на лбу.

В комнате отсутствуют трое: Забава, комсорг Мила и Пума. Комсорга могли вызвать по общественным делам хоть в райком. Значит, нет Забавы и Пумы? Он пробежался по всем комнатам второго этажа, за исключением кабинета директора и замдиректора, помчался в машинный зал, затем к системщикам, и, наконец, в отдел размножения. Лариски не было нигде. Лишь в АРМ-кабинете разглядел в полумраке перед зелёным флуоресцирующим экраном по-кошачьи изогнутую спину. Долго смотрел на неё, тихо подошёл и положил ладони на выпуклые оголённые ключицы.

– Ага, вот вы где спрятались.

Пума обернулась.

– Это ты, миленький? Уже соскучился? Садись рядом, программировать будем.

Виктор взял стул, сел, и погрузился в благодатную дрему. Пума глянула в его сторону, усмехнулась.

В комнате кроме них никого, здесь работают по одному, комната так и называлась: автоматизированное рабочее место программиста, сокращённо АРМ. Итак, он нашёл Пуму в АРМе. Это хорошо, просто замечательно. А как забегал вдруг, ни с того ни с сего! Единственное окно в помещении АРМа наглухо закрыто непроницаемо тёмной тяжёлой шторой, зато кондиционер мерно несёт влажную прохладу в сумрак того небольшого пространства, где они обитают теперь вдвоём. На зелёном экране прыгают команды Фортрана-77: корректировка, трансляция, выполнение и снова корректировка. Магницкий сидел, слушая умиротворяющий стук сердца, что согласно было жить в столь комфортных условиях миллион лет без капремонта.

Длинные тоненькие пальчики Пумы летали по клавиатуре, изредка она взглядывала на экран, исподлобья, с недоверием и интересом одновременно, в то же мгновение на лицо её ложился зеленоватый отсвет экрана. Едва Магницкий успел подумать, что своим загадочным выражением оно похоже на русалочье, как та повернулась к нему, изогнула шею, и вновь

пристроилась головой на груди, шепча: «Миленький», а он опять не мог понять: шутит, или всё же имеется в этом доля настоящей нежности? Лёгкая, весёлая, ироничная Пума. То ли правда ласкается, то ли играет по кошачьей привычке. Не зря же – Пума. Но как чудесно быть с ней! Он вдохнул запах волос, осторожно приобнял. Вдруг кольнуло: неужели правда замужем? Совсем не похоже.

Дверь распахнулась, Лариса молниеносно убрала голову, Виктор отодвинулся в сторонку вместе со стулом, но не так скоро. Никто не вошёл, дверь с саркастически долгим скрипом вернулась на прежнее место. Они переглянулись, словно старые заговорщики. Пума продолжила отладку программы, а Магницкий встал и нехотя вышел. Приспело его машинное время, хорошо хоть идти недалеко.

В длинном коридоре первого этажа вдоль стены, впритык друг к другу, бесконечной шеренгой стоят столы с мониторами, за которыми работают сотрудники. Его место пока занято. За счастливым монитором номер семь восседает старший научный сотрудник Фрида Энгельс: молодая женщина с чёрными, блестящими кольцами волос, уложенными в роскошную высокую причёску, возраста слегка за тридцать, незамужняя, в белом, обтягивающем узкую талию и высокий бюст, платье, которое изумительно идёт её смуглым от черноморского загара, открытым плечам. Фрида смахивает на латиноамериканку, жгучую, цветущую здоровьем креолку, роковую красавицу, перед которой не устоял бы ни один мужчина, если не всегда холодное, властное выражение лица.

Магницкий подошёл, молча встал за ней, прислонившись к стене.

Энгельс тотчас спросила:

– Минутку займу?

– Хоть две, но не более пятнадцати.

Машинное время младшим научным сотрудникам выделялось в час по чайной ложке. Другое дело – АРМ, там народ мог сидеть часами, и на удивление ничего не ломалось и не зависало, чего нельзя было сказать о больших машинах. Вот сейчас за монитором номер восемь нервничала толстуха в рябеньком летнем сарафане – Баландина Татьяна.

– Что она всё время виснет? – обиженно спросила Татьяна, повернувшись к Виктору. – Жанна, давай быстрее разбирайся, моё время уходит, опять никакой работы не было. Сколько можно издеваться?

Системотехник сидела рядом, с привычно унылым видом собирая статистику ошибок. Раз за разом пускала с соседнего монитора зондирующие команды, стараясь определить причины омертвления баландинского раздела.

– У вас печать висит, – вычислила наконец она, – убрать?

– Печать? У меня? С ума сошли, что ли? Откуда у меня может быть печать?

– Не знаю, – бессильно констатировала системотехник. – Висит и всё.

– Кто запустил в мой раздел свою печать? Убирай к чертям собачьим, время уходит. Вот это да! А я-то думаю, в чём дело? Происки американские, не иначе...

Жанна флегматично уничтожила программу печати, встала, но не ушла, задержалась рядом с Магницким, следя за хаотичными попытками Баландиной наверстать упущенное время.

– Физкультпривет работникам отдела размножения! – скосил взгляд Виктор. – Когда очередное плановое размножение намечается у нас в данном отчётном квартале?

Этой роковой фразой он обожал доводить Жанну, ибо подразделение получило такое неофициальное название в большей степени за то, что молоденькие операторши то и дело уходили в декретные отпуска. И сидели там годами, получая сначала пятьдесят рублей на одного ребёнка, потом семьдесят пять на двух. На их место отдел размножения принимал новых претенденток, которые тоже скоро начинали пухнуть в области талии не по дням, а по часам.

– Привет, – сказала Жанна без всякого выражения, но привычно краснея анемичным лицом, в результате чего постепенно из позитивного оно сделалось негативным.

Так волнуется, будто Виктор втихаря сунул пятерню ей в карман. Просто ходячий упрёк утрешним грехам. Он отвернулся, всем своим видом демонстрируя безразличие к худым системотехникам.

– Что, у тебя время сейчас? – спросила Жанна, продолжая стоять рядом.

– Да. Время моё, а пользуются им, как всегда, другие.

– Значит, прирождённый сачок, – подытожила Фрида Энгельс, исполняя на клавиатуре быстрый шопеновский этюд.

Сзади в своём белом платье, концертной причёске, с аппетитными локотками у талии – точь-в-точь знаменитая пианистка то ли из Южной Америки, то ли Африки, но тоже южной. Или дочь богатого латифундиста, или проклятого родезийского колониста.

– Если бы. Сказку о потерянном времени читали? Это про меня.

– Сейчас, сейчас уйду, успокойся, – не оборачиваясь отбивалась латифундистка от претензий, переходя на аккорды бравурного заключительного марша.

– Что тебе за это подарить? – съехидничал Виктор. – Может, конфету шоколадную к ланчу? Жанночка, детка, у нас там нигде конфетки случайно не завалилось?

– Нет, – побледнела в обратную сторону Жанна, выдёргивая руки из карманов и хлопая по ним.

Как назло, в это время из собственного кабинета вновь явилась суровая Вильгельмина Карловна. Увидев дочь, уже прислонённую к стенке рядом с басурманином Магницким, немедленно окликнула:

– Жанна, ты чего здесь? Пойдём, есть срочное дело.

Жанна поволоклась за маман.

Наконец-то Виктор смог занять освободившийся стул. Рядом Энгельс, в обтягивающем сверху, но широком снизу бальном платье собирала многочисленные бумаги и книжечки в аккуратную стопу, в рабочем блокноте ставила галочки против пунктов, которые она выполнила за сеанс. Наполовину обнажённая тугая, смуглая грудь смотрела на него в упор, и даже, кажется, вызывая хихикала.

– А всё-таки, Фрида Эдуардовна, не могу не выразить своих чувств – вы безумно жаркая женщина.

Энгельс тотчас распрямилась.

– С чего так решили? – на верхней губке пряталась снисходительная усмешка.

– Интуитивное ощущение зрелого мужчины.

– Смотрите, мужчина, не перезрейте дотла.

– В оставшееся время едва ли это возможно. Шесть минут долга за вами. Прошу внести в кондуит. А впрочем, напомню обязательно. Вы же знаете, чувство стеснения по вопросу машинного времени мне совершенно неведомо.

– И по другим вопросам тоже.

Энгельс подняла перед собой высоченную стопу книг и распечаток, приготовившись разгоняться по коридору.

– У вас сегодня не свадьба ли намечается? – восхитился Виктор юному виду в профиль. – Вы прямо-таки само совершенство!

– Нет.

– Ну нет, и ладно. Хотя очень жаль.

Фрида невозмутимо проследовала мимо, таща груз неправильно – перед собой. И даже не улыбнулась на прощание. А ведь они могут больше не встретиться. Ни разу за весь оставшийся день. И завтра тоже. Но с меньшей вероятностью. Завтра он непременно отловит кра-

сотку здесь, дабы отнять, несмотря на вопли, свои кровные шесть минут. Чтобы вызвать на лице Фриды прощальную улыбку, Виктор кольнул с боков бесподобной талии указательными пальцами. Книжки начали сыпаться на пол и Татьяну Баландину, которая развернулась и, широко раскрыв рот, наблюдала великолепную сцену, как, пытаясь помочь удержать падающую стопу, Виктор взмахнул руками, но поймал одну только идеально-форму Энгельс.

– Извините прискорбно!

Энгельс снисходительно улыбнулась.

– Извиняю в зачёт шести минут машинного времени. Татьяна, ты свидетельница!

– О, видите, и свидетельница уже есть. Что я говорил? Значит, свадьба не за горами. Поздравляю!

4. Черешня

Под конец сдвинутого по времени обеда, уже между старшим программистом Татьяной Баландиной и Виктором случилось нечто, скорее похожее на несчастье, чем на счастье. Они встретились на лестнице и не смогли разминуться. Приземистая Баландина возвращалась из кафе. По дороге зашла на базар, где купила стакан черешни, и теперь, поднимаясь по ступенькам, на ходу кушала ягоду, держа бумажный кулёк у груди, а Магницкий сбегал по лестнице вниз на поиски Пумы. Глаза его горели огнём страстного охотника.

Грудь Баландиной трёхцветная, как ни у какой другой женщины института. То есть сначала вокруг шеи имеется загорелый полукруг, почти чёрный – итог лежания на даче в закрытом купальнике. Ниже под ним расположено кольцо нормального среднего загара, а ещё ниже вообще белым-бело всю тропинку замело, что говорит о том факте, что Таня носит летом одежду с разнообразными вырезами. На такие мелочи Магницкий не обращает внимания. Другое дело – черешня в кулке. Заметив черешню, он попытался мимоходом сунуть руку, выхватить ягодку из кулёчка, почему нет? Свои же люди. Однако Татьяна издала такой отчаянный визг, что пришлось немедленно расстаться с добычей.

– Ты чего? Я ж одну только.

Баландина смутилась.

– Я подумала, – тихо призналась она, – ты в вырез полез.

– Вот, товарищ Гигиенишвили, до чего довели коллег своим разболтанным поведением, – отметил ворчливо фарисей Черкизов, который прогуливался в это время по второму этажу возле лестницы, – придётся как-нибудь на досуге снять ремень и высечь вас по филейным местам, на первый раз без соли, но самым рукописным образом.

– Да что вы, товарищ Лоханкин, побойтесь бога. Я же малокровный. Просто черешни ей жалко, вот она и изобразила. Правда, Татьяна? Неужели ты могла подумать своей умной головой, что я так, походя, за между прочим и среди бела дня, могу полезть, пардон, родной сослуживице в лифчик?

– А кто тебя знает? Ты, Магницкий, человек разноплановый, можешь в кулёк, можешь за пазуху. Разбаловался тут на вольных хлебах. Жениться тебе пора.

– Горбатого могила обязательно исправит, – махнул рукой свысока Черкизов.

– Что за шутки? Гражданин судья, призываю вас к порядку. Вы о ком столь грубо выражаетесь?

– О тебе, о тебе, сын прекрасной вдовы с заплаканными глазами. Ещё немного пошалишь, и жениться будет совершенно незачем.

– Ага, сегодня у всех для Магницкого одно наказание: женить на пятьдесят лет без права переписки. Тираны вы! Диктаторы грубого семейного беспредела! О золотой свадьбе моей мечтаете! И не стыдно?

5. Бесплатная раздача слонов

Теоретик Забава вернулся только под конец рабочего дня: бледный, лохматый, с горчичными глазами, в общем, как новый целковый, выпущенный по случаю очередной годовщины Октября.

– Слушай, ты сейчас в обморок упадёшь от счастья, – обнял он Магницкого сходу, вручая ключ. – Держи себя в руках. С утра умывался? Беяши лопал – губы вытер? Семечки не щёлкал? Не люблю, когда меня целуют после семечек. Терпеть не могу! Пойдём, взбрызнем тебя на всякий случай духами Зои Степановны, такие приятные и стоят недорого.

– Что такое?

– Свершилось-таки!

– Квартальная премия сто пятьдесят процентов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.